

Записки изменившей и изменившейся

*«Тебе будет плохо. Мне продолжитъ?»
«Да, господин. Я хочу чувствовать боль»*

Ангелина Ким

Ангелина Ким

**Записки изменившей
и изменившейся**

«Автор»

2026

Ким А.

Записки изменившей и изменившейся / А. Ким — «Автор»,
2026

Он — власть. Она — страх. Между ними — игра, в которой нет правил.
И из которой им теперь невозможно выйти. Он хочет, чтобы она дрожала.
Она хочет чувствовать страх и смотрит ему в глаза. Это меняет всё. Это не
история про любовь. Это история про азарт, боль и желание. И про двух
людей, которые не должны были стать друг для друга чем-то большим.

© Ким А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Привет!	5
Запись первая. Это было не только из-за страха.	6
Запись вторая. Он не смог.	10
Запись третья. Я стала вещью.	14
Запись четвёртая. Останься.	17
Запись пятая. Он до сих пор здесь.	21
Запись шестая. Прости.	24
Запись седьмая. Сгоревшие.	28
Запись восьмая. Хочу...очень хочу.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ангелина Ким

Записки изменившей и изменившейся

Привет!

Это небольшое, но важное послание от автора книги. Пожалуйста, прочитай его полностью для своего психологического благополучия.

Почему я решила написать эту книгу и как она вообще появилась?

В августе 2026 мне приснился сон, где девушка бежит. Бежит от страха, который за несколько секунд превращается в страсть и желание. Так начинается игра. Игра за власть.

Этот сон вызвал во мне столько эмоций, что на следующий день у меня уже была на руках первая глава этой книги.

Это не история про любовь, это история про азарт, боль и желание.

Триггеры!

Эта книга содержит сцены насилия (физического, психологического, сексуального), элементы BDSM, темы рабства, торговли людьми, упоминание педофилии, суицида, убийства, алкоголизма и нездоровых отношений.

Это тёмная история. Она может вызвать много негативных, противоречивых эмоций. Если вы сейчас проживаете тяжёлый этап в жизни, возможно, вам не стоит читать эту книгу. Пока что.

Берегите себя, ваше психологическое состояние важно!

Ещё важные моменты

Все события вымышлены. Книга не пропагандирует насилие. Крайне НЕ рекомендую читать её лицам подросткового возраста. Если ты – ребёнок, не продолжай чтение. Я серьёзно, закрой книгу.

18+

Я хочу сказать вам: приятного чтения! Будьте осторожны и берегите себя! Мы начинаем.

Запись первая. Это было не только из-за страха.

Я бежала.

В страхе я забыла, куда ведут коридоры, — я просто знала, что если он меня догонит, он не остановится. Его шаги гремели за спиной, как удары сердца. Тяжёлые, ровные, неумолимые.

Я слышала, как свистит плеть в его руке. Холодная, гибкая, знакомая всем, кто когда-либо был в этом доме. Она не просто била — она оставляла следы, которые не заживали неделями. Я видела их на спинах тех, кто работал со мной. Я знала, что будет, если он меня догонит.

Я не оглядывалась. Я просто бежала.

Он был хищником. Не тем, кто гонится за добычей из голода, а тем, кто делает это ради удовольствия от охоты. Я слышала его дыхание — спокойное, уверенное. Он знал, что я никуда не денусь. Он хозяин нашего дома и ему доставляло сильное удовольствие, ощущение, что люди сжимаются от ужаса. Он даже не любил сам факт удара, а то, как его люди просили его о пощаде. К сожалению, я была одной из них... У меня не было выбора.

Я свернула в комнату — и поняла, что ошиблась. Это был тупик. Его комната. Его мрачная, завешенная бордовыми шторами территория. В углу слабо догорала свеча. Мрак этой комнаты словно проник в меня и не давал мне дышать.

Я развернулась, но он уже стоял в дверях. Плеть свисала с его руки, касаясь пола. Он не дышал тяжело, как я. Он не выглядел злым. Он выглядел так, будто только что закончил читать возле камина.

— Ты думала, я не догоню? — его голос был спокойным, почти ласковым.

Это было страшнее крика. Всё моё тело покрылось мурашками от осознания, что я никуда не денусь.

Он шагнул вперёд. Я шагнула назад, упершись спиной в стену. Я видела его взгляд: холодный, игривый. Я не могла ему смотреть в глаза...слишком страшно. Он сделал ещё шаг, поднимая плеть, и я сжалась, готовая к удару. Он игриво ухмыльнулся. Ему нравилось, когда люди сжимались в комок при виде его силы. Но он не ударил. Он поднёс плеть к моему лицу, провёл кончиком по подбородку, заставляя меня поднять голову и смотреть ему прямо в глаза. Отвратительное чувство безысходности накрыло меня с новой силой.

— Знаешь, что я делаю с теми, кто убегает? — спросил он, наклоняясь ближе.

Я не отвечала. Я смотрела в его глаза. Они были тёмными, глубокими, и в них мелькнуло что-то, что я не могла прочесть. Он был так близко. Так близко, что я чувствовала тепло его тела, его запах, его силу. И это было не только страшно — это было опьяняюще. В тот момент я не понимала, что со мной происходит и почему чувство страха, словно ушло на второй план. Я ощутила то, что раньше, за месяц нахождения здесь не испытывала. Это был ужас, смешанный с интересом. Поймите меня: я привыкла к его ударам.

— Ты боишься меня? — спросил он, и его голос дрогнул.

В нём не было злости. В нём было любопытство.

— Да, — ответила я, и мой голос был твёрже, чем я ожидала.

Что это? Смелость? Отчаянье? Осознание, что я ничего не могу изменить?

— Хорошо, — сказал он, и его рука дрогнула. — Но ты всё равно стоишь.

Он опустил плетъ. Он с интересом рассматривал меня с головы до ног. Я не знала, что делать. У него была сила. Он мог сделать со мной всё, что хотел. Но сегодня я не хотела чувствовать боль.

- Умоляй меня остановиться.

Он приподнял плетъ для удара. Я уже знала, что будет дальше. Первый удар будет слабым, но достаточным, ... чтобы я почувствовала боль и страх. Второй удар он обычно наносил по лицу. Третий и последующие были самыми сильными.

Я устала бороться, устала бежать. У меня закружилась голова, и я почувствовала, как медленно сползаю вниз, на колени. Я сама не поняла, как оказалась в его ногах. Я смотрела на него снизу вверх и ещё сильнее почувствовала странное и неизвестное мне ранее желание.

Его глаза расширились. Он не ожидал этого. Он ожидал слёз, криков, попыток вырваться. Но я просто смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как страх уходит, уступая место чему-то новому. Тому, что раньше я к хозяину не испытывала.

— Что ты делаешь? — выдохнул он, и я впервые услышала в его голосе неуверенность.

Мне это понравилось, понравилось хотя бы на секунду услышать в его голосе потерянность и непонимание. Странно, но я словно на момент почувствовала себя хозяйкой положения. Его плетъ застыла в воздухе, а мои глаза скользнули по его плечам.

Что я делаю?! Моё тело, словно не слушается меня. Я хочу... прикоснуться к нему...

Я протянула руку и коснулась его пальцев. Тех, что сжимали плетъ. Он замер. Я чувствовала, как напряжены его мышцы, как он пытается понять, что происходит. Я медленно коснулась губами его запястья, и плетъ упала на пол с глухим стуком. Никто не делал такого, никто не давал ему желания и восхищения. Я стояла на коленях и смотрела на него с ненаигранным чувством страсти.

Куда делся страх? Почему я словно не ощущаю его сейчас?

— Я делаю то, чего ты не ждёшь, — прошептала я, чувствуя, как его дыхание сбивается.

Его взгляд скользил по мне в поиске ответов, объяснений происходящему. Но я лишь игриво запрокинула голову вбок. Он напряг брови, но не от злости...

Его свободная рука поднялась, но вместо удара — легла на мою голову, но не сильно — почти вопросительно. Я чувствовала, как дрожит его тело. Он не знал, что делать. Он привык к страху, но не к этому.

Он чувствует тоже, что и я? Он тоже хочет почувствовать моё тело?

— Ты знаешь, что я мог бы сделать с тобой за это? Ты без разрешения прикасаешься к своему хозяину? — спросил он, но в его голосе не было угрозы — только растерянность.

Эта растерянность вызвала у меня новую волну желания. Я почувствовала, как всё моё тело начинает гореть.

— Знаю, — сказала я, поднимая на него глаза и улыбаясь. — Но ты не сделаешь.

Я не понимала, откуда у меня взялось к нему столько желания, но оно подарило мне иллюзию смелости. Меня всю трясло, но мне было от этого так хорошо...

— Почему? — спросил он, и я слышала, как его сердце бьётся о рёбра.

— Потому что ты хочешь меня, — сказала я. — И я хочу тебя.

Он не ответил. Он просто стоял, сжимая мои волосы, и я знала, что он больше не ударит. Впервые я увидела, как его руки полностью расслабляются, и он теряет контроль.

Я приподнялась и начала целовать его шею, он вздохнул. Его руки опустились, но он не оттолкнул меня. Он закрыл глаза, и я почувствовала, как его тело расслабляется, как он сдаётся.

Я дала ему то, чего он не получал никогда — не страх, а желание. Я медленно опустилась вниз. И вновь стояла перед ним на коленях.

- Не делай это из-за страха...

Его голос потерял всякую силу, он опустил плечи и пытался понять, зачем я делаю это. В глубине души он всё ещё верил, что я его боюсь. Я продолжала смотреть ему в глаза. Мне всё ещё было страшно, рядом лежала та самая плеть, которая оставила мне уже много шрамов. Я боялась его...но гораздо больше – хотела. Чем больше он расслаблялся, тем сильнее я ощущала свою власть. Я не знала, что будет дальше. Но я понимала: сейчас он мой.

- Я делаю это не из-за страха, а потому что хочу...

Я медленно расстегнула ему штаны и взяла его член в рот. Он с силой схватил меня за голову и начал задавать темп. Мне не было больно или некомфортно, страсть перекрыла все ощущения. Это продолжалось пару минут, и я почувствовала, как по моим губам спускается что-то тёплое...Он не смотрел мне в глаза, ему не нравилось видеть во мне уверенность, а не страх. Я отодвинулась и привстала с колен. Моё удовольствие продолжалось, несмотря на то, что он закончил. Я смотрела, как он одевается, и на секунду вспомнила, кто он на самом деле. Мой пульс ускорился, но я не показала этого.

Он посмотрел на меня так, будто видел впервые.

— Ты...как посмела...ты как смогла?, — сказал он, и в его голосе было не осуждение, а что-то похожее на уважение и искреннее удивление.

Он всё ещё ничего не понимал. Его растерянность закрепила мою уверенность.

— Я знаю, это странно — сказала я, прижимаясь к стене.

— И ты запомнишь меня, я уверена.

Он тихо улыбнулся. Впервые за всё время. Я видела, как его глаза светлеют, как он перестаёт быть хозяином и становится простым мужчиной.

— Что ты хочешь взамен? Ты меня удивила. Деньги? Украшения? — спросил он, застёгивая рубашку.

— Перестань бить нас всех, — сказала я, удивившись от своего тона.

Моя фраза звучала, как приказ. Мой тон не был мягкий или дружелюбный. Скорее, требовательный.

— И всё? — он посмотрел на меня.

— И всё, — кивнула я.

Он смотрел на меня долго, слишком долго. Я видела, как он сопротивлялся своему решению. Его глаза вновь потемнели и стали холодными.

А потом он тихо, но уверенно сказал:

— Хорошо. Я не подниму более руку на своих людей. В том числе на тебя.

Он оделся и в замешательстве вышел. Он не понял, как из напуганной девчонки я стала страстной, чувственной и смелой... женщиной? Я и сама не до конца поняла, но почувствовала одно – если смотреть ему в глаза и не бежать, он теряет контроль. Это можно использовать. Нет! Это надо использовать.

Но я ещё не догадывалась, какую злость он испытывал из-за того, что я осмелилась помянуть его планы и чувства...

Запись вторая. Он не смог.

Прошло три дня с моей первой близости с мужчиной – с моим хозяином. Он перестал поднимать руку на своих людей, но всё чаще мы слышали, как в его комнате гремит мебель. Ему было сложно в новой роли, ведь он дал мне слово, что прекратит побои – но сможет ли? Сдержит ли его? Этого я ещё не знала...

Наступила ночь, я лежала в своей комнате, почти проваливаясь в сон. В тот день я много работала, и у меня к вечеру ломило всё тело. Нинэль отпустила меня пораньше, и я имела лишний час на отдых. В доме было тихо, но я знала: он там. Он ходит по коридорам, как тень, как зверь, который забыл, как охотиться. И он ищет меня. Не знаю, почему я ощущала это... но я была готова к встрече с ним. Я чувствовала свою нарастающую тревогу, чувствовала, как руки становятся ледяными.

Я слышала шаги задолго до того, как они остановились у моей двери. Я не вскочила. Я не замерла. Я просто лежала, слыша, как моё сердце бьётся где-то в горле. Я знала, что это должно случиться. Я боялась этого — и в то же время ждала.

Дверь открылась без стука. Он стоял на пороге — тёмный силуэт, сжатые кулаки, тяжёлое дыхание. В его руке была плеть, та самая, которая доставила мне столько боли. Я не видела её, но знала — я чувствовала её присутствие, как чувствуют холод перед грозой. Моё тело напряглось, но я не отвела взгляд. Я смотрела на него и ждала – фразы, действия или нападения. В нашем доме все уже давно спали, он мог спокойно закрыть мне рот и делать все, что пожелает... Это пугало и одновременно интриговало меня...

— Ты думала, я не приду? — его голос был низким, почти хриплым.

В нём было всё: злость, стыд, растерянность и ярость, которая кипела под поверхностью.

Я медленно села на кровати. Мои руки дрожали, но я сжала их, чтобы он не видел. Я старалась сохранить иллюзию бесстрашия. Но в горле встал ком, и я не могла выговорить ни слова.

— Я не знаю, что ты со мной сделала, — сказал он, и его голос дрогнул. — Но это должно прекратиться.

Он сделал шаг вперёд, и я вжалась в спинку кровати. Я чувствовала – вот этот момент, когда всё может обернуться против меня. Я видела, как он сжимает плеть, как его челюсть напряжена, как его глаза горят. Я знала, что он может ударить. Он пришёл сюда, чтобы сделать это, чтобы вернуть себе контроль. И я боялась. Я так боялась, что у меня перехватило дыхание. Я словно ощутила на себе те самые удары, один за одним... Но я помнила главное – от него нельзя бежать. Его нужно выдержать, как бы сложно это ни было.

— Ты меня слышишь?! — он сделал несколько уверенных и резких шагов, почти навис надо мной, и я почувствовала запах его кожи, его дыхание, его силу.

Он был пьян. Его тело слегка подкашивалось, но он стоял устойчиво.

— Слышу, — сказала я, и мой голос был твёрже, чем я чувствовала себя внутри.

— Тогда почему ты не боишься? — он наклонился так близко, что я видела, как бьётся жилка на его шее, как его руки сжимают плоть до белых костяшек.

Он провёл кончиком плети по моей ноге, задирая и поднимая ночное платье. Знакомые прикосновения холодной плети сделали своё дело — меня всю начало трясти. Я чувствовала, как она поднимается всё выше, а его рука давно была под моим платьем. Когда я почувствовала, что плеть доходит до бедра, а он всё сильнее нависает надо мной, я инстинктивно вжала ноги в постель. Я была в ужасе. Но не хотела показывать этого.

— Почему ты не кричишь? Не плачешь? Ты должна бояться меня! Я должен чувствовать твой страх.

— Я боюсь, — сказала я, и в моём голосе послышалось что-то, чего я не могла скрыть. — Я очень боюсь тебя. Разве ты этого не видишь? Посмотри, как меня трясёт.

Он замер. Я не отводила от него глаз, мой голос был стойкий. Я вновь начала чувствовать то, что и в его комнате три дня назад. Возбуждение и легкое, неуловимое чувство власти над его состоянием. Его глаза расширились, и я увидела в них что-то, что он пытался скрыть. Не злость. Не ярость. Растерянность.

— Тогда почему ты не бежишь? У тебя есть шанс спастись. Ты понимаешь, что я могу сейчас сделать? — спросил он, и его голос стал тише, почти хриплым.

— Потому что я не хочу убегать, а значит — не буду, — сказала я, и в моих словах звучала правда, которая пугала меня больше, чем его плеть.

Он стоял, глядя на меня, и я видела, как его ярость начинает уступать место чему-то другому. Чему-то, что он не мог контролировать.

— Ты сводишь меня с ума, Лириан. Почему ты спокойна?.. — выдохнул он, и в его голосе больше не было злости — только отчаяние.

Я впервые услышала, что он произносит моё имя и это вызвало сильную и импульсивную волну мурашек по всему телу.

Он сделал шаг назад от моей кровати, и я вновь почувствовала сладостное ощущение контроля. Я медленно поднялась, чувствуя, как моё тело дрожит. Страх пытался завладеть мной, но я держалась. Я подошла к нему вплотную, и он не отступил. Я смотрела в его глаза, и я видела, что он на пределе. Он пришёл сюда, чтобы ударить, но он не мог. Он не мог, потому что я смотрела на него так, будто он не чудовище. Я смотрела на него, как на равного...хоть это и была ложь...Но как же она меня манила. И как мне хотелось довести его до предела. Увидеть в нём уязвимость, слабость и сомнения. Его ноги подкашивались. То ли от алкоголя, то ли от его чувства беспомощности.

— Тогда сойди с ума, — прошептала я, и в этот момент он рухнул на колени, роняя плеть.

Я сначала испугалась и сделала маленький шаг назад. Он прижался лицом к моему животу, и я чувствовала, как его плечи дрожат. Я не ожидала такой реакции, такой слабости и податливости. Я знала, что он держится на пределе. Ему было омерзительно чувствовать себя уязвимым, низким и слабым.

— Я не могу больше, — сказал он, и его голос был полон боли. — Я не могу делать это. Я не могу делать больно. Не тебе...и не им...я отвечаю за сказанное. Я должен...

Я аккуратно опустила руку на его голову и тихо сказала:

— Тогда не делай. Дай себе быть другим...

Он поднял на меня глаза, и в них не было ни гнева, ни страха — только усталость, отчаяние и желание, которое он так долго пытался задушить. Я видела, чего он сейчас хотел — мести. Мести за то, что я видела его таким. Слабым, беспомощным...Я видела, что он хочет завладеть мной с помощью ударов. Но они ему больше недоступны, он действительно был честен и держал слово. Я поняла, что я могу дать ему другое — что-то более близкое, отдать власть, но иначе.

Приличные девушки так не поступают. Но была ли я приличной после того, что мы сделали три дня назад?

Я взяла его за руку и потянула к кровати. Он поднялся, и я чувствовала, как его тело напряжено, как он борется с собой. Когда я оказалась на кровати, он сразу навис надо мной, и в его глазах снова вспыхнул огонь. Это была ярость, желание сделать больно, почти животное рвение отомстить. Он не был ласков, не пытался сделать мне хорошо.

Он знал. Знал, что я невинна. И он хотел быть жестоким. Хотел, чтобы я страдала.

Он задрал моё платье. И вошёл в меня резко, грубо, я вскрикнула — от боли, от неожиданности, от чувства, что я полностью в его власти. Он с силой закрыл мне рот, почти не давая возможности дышать. Его движения были жёсткими, почти отчаянными. Я чувствовала, как он пытается взять контроль, как он хочет доказать себе, что он всё ещё хозяин. Но я не сопротивлялась. Я принимала его таким, какой он есть — потерянным, злым, жаждущим, а моё тело ныло от боли и возбуждения. Я старалась сохранять спокойствие, но его толчки были невыносимы. Я стонала, не в состоянии контролировать себя.

Как больно. Меня словно разрывает на кусочки. Но почему тогда мне так хорошо? Почему я не хочу, чтобы он останавливался?

Он жестоко вжимал меня в кровать, сдавливал мои руки над головой до синяков, а его дыхание было прерывистым. Он не смотрел на меня — он закрыл глаза и отвернулся, как будто боялся увидеть во мне нечто, что могло его разрушить. Но я не отводила взгляд. Я знала - его нельзя прекращать, иначе он может подумать, что я его боюсь. Я видела его насквозь: его ярость была лишь попыткой скрыть страх, что он потеряет себя в этом, что он больше не сможет быть тем, кем был. Но мне хотелось большего, несмотря на сильную боль от его резких движений и жестокости. Я поняла, что вновь могу взять контроль, хотя бы на секунду.

— Посмотри на меня, — сказала я, и мой голос был твёрдым, даже когда тело сильно дрожало.

Он открыл глаза. И в них я увидела то, что искала: неуверенность. Он остановился, замер, как будто на мгновение потерял себя. Я видела, как его дыхание сбивается, как его руки ослабевают. Он больше не боролся.

— Ты победила, — прошептал он, и это прозвучало не как слабость, а как освобождение.

Я победила?

Я чувствовала, как его тело расслабляется, как он перестаёт бороться, как он принимает свою потерянность и позволяет мне увидеть его настоящего. Я аккуратно обняла его и почувствовала, как он дрожит на моей груди от напряжения и злости, которые постепенно его отпус-

кали. Он резко из меня вышел, оставив пульсирующую пустоту и боль. Но это было так сладко и вкусно, что я на секунду забылась.

— Ты победила, — повторил он, и в этом больше не было борьбы — только признание того, что он больше не может быть тем, кем был. Он отвернулся от меня, словно стараясь забыть то, что между нами было.

Запись третья. Я стала вещью.

В ту ночь он резко встал и вышел из моей комнаты. Измотанный, уставший, не желающий нежности и тепла. Мое тело болело, а руки покрылись синяками. На простынях была кровь... много крови.

Я не могла уснуть, постоянно прокручивала события, которые случились. Его присутствие, мой страх и наша близость, где он был слабым, беззащитным. Я пошла в прачечную, чтобы замочить белье. Никто не должен был знать о нашей близости...

Никто не должен был знать, что я лишилась чистоты.

Я окунула руки в ледяную воду и быстрым движением умыла лицо. Я не понимала, что у нас с хозяином будет дальше и почему он так хотел меня...

в голове прокрутились все воспоминания.

Когда мне исполнилось 17, родители отдали меня в этот дом. Они надеялись, что таким образом расплатятся с хозяином за долг. И вот, впервые в жизни, я почувствовала себя рабыней. Я помню этот день – родители собрали мои вещи и привезли в этот дом. Они не сказали, что меня ждёт, и куда мы приехали. Я увидела его – богатого и молодого господина. Я думала, такие обеспеченные мужчины обычно ровесники моих родителей...но нет, ему всего лишь 20 лет. Он был стройного телосложения, с чёрными и волнистыми волосами. Они доходили ему до плеч и выглядели потрясающе. Его бледная кожа и аристократичные черты лица лишь подчёркивали его статус. Но глаза... в них не было тёплых чувств, лишь злость и холод. Он тогда взглянул на меня и сквозь зубы прошептал:

-Крестьянин, ты считаешь, этого хватит, чтобы расплатиться? Хрупкая девчонка, которая даже работать не сможет. Не говоря уже об остальных «очаровательных прелестях» рабства.

Только тогда я осознала, что произошло...моя мать упала на колени перед господином и умоляла меня взять. Описывала, какая я трудолюбивая и сильная. Она рассказывала, что я обучена письму и чтению. Я стояла красная, ведь она дошла даже до моей невинности. Я хотела драться, бежать. Бежать от всего этого, пока я ещё свободна. Но, взглянув на старые и уставшие лица моих родителей, я поняла – выхода нет. Мне стало их до боли жалко, я знала, что они меня любили. Но рисковать жизнями целой семьи они не могли. Я покорно стояла, пока хозяин рассматривал меня со всех сторон. Он был красиво одет и имел сильные, рабочие руки. Он обошёл меня сзади и утвердительно кивнул.

- Крестьянин, можешь идти. Считай, что я забыл про твой долг.

После этих слов он схватил меня за плечо и затащил в дом, с силой толкнув на пол. Я лежала и не понимала, что мне делать дальше. Я лишь ближе прижала к себе ноги.

- Имя?

- Лилиан, господин...

Мой голос дрожал, а на глазах появились слезы. Тогда он впервые при мне взял плетё и нанёс один удар по моей руке. Не очень сильный, но такой, чтобы я ощутила боль.

- Забудь про своё имя и свою жизнь до этого дня. Теперь ты – вещь. Моя собственность.

Я медленно, со слезами на глазах отползала. Я не знала, что делать и как быть. Я лишь хотела не чувствовать вновь на себе плеть... От этого его лицо искривилось в мерзкой ухмылке. В глазах был лишь холод и ненависть. Я отчаянно старалась отодвинуться от него.

- Я давал тебе право двигаться?

- Нет, господин...

Мой голос стал тихим, он дрожал от ощущения унижения и чувства боли. Хозяин замахнулся сильнее, и плеть свистнула возле моего уха. По моей щеке потекла кровь. Мои слёзы не останавливались, и это доставляло ему сильное удовольствие. Он улыбался и продолжал бить плетью, меня всю трясло. Мне было отвратительно от этого. Я стала собственностью, вещью. Удары становились всё сильнее, мои руки покрылись кровавыми ранами. Я не могла смотреть на него и не могла говорить. В какой-то момент он ударил меня с такой силой, что я закричала. Он сделал ещё несколько таких ударов, пока я тихо не сказала:

- Прошу, господин, хватит... Я умоляю вас, остановитесь. Мне очень больно.

В этот момент он наклонился и схватил меня за волосы. Его взгляд выражал удовольствие, а нежная ухмылка доводила до истерики. Меня трясло, щеки горели, я задыхалась от слез. Он хотел что-то сказать, но к нему подошла старшая из его слуг.

- Господин. Простите, что потревожила вас! Прибыла повозка одной из наших деревень. Не изволите принять?

Он взглянул на меня холодными глазами, без эмоций и чувств. Затем перевёл взгляд на Нинэль.

- Я посмотрю, что они привезли. Если пшеницы будет меньше, чем пять мешков... Я наведаюсь к ним.

Он со всей силы кинул мою голову на холодный пол. Я прижалась к поверхности руками и головой, не зная, что будет дальше. Господин встал, и громко хлопнув дверью, вышел. Нинэль помогла мне встать и рассказала, что господин ведёт себя так со всеми. Вне зависимости от того, сделал человек что-то плохое или нет. Она отвела меня в отдельную комнату и сказала нечто важное.

- Не попадайся ему на глаза. Если увидишь, что он начал кого-то бить – беги. Беги в поле, в лес. Пересиди там час-другой. А потом тихо, как мышка, пробирайся в свою комнату. Через окно... Желание бить у него появляется примерно раз в два дня. Будь осторожна.

Так я и старалась поступать. Слышала звук плети – неслась со всех ног. И неважно куда... главное, дальше от него. Иногда не получалось сбежать и тогда единственным вариантом было – плакать и умолять, чтобы он остановился. Но и это не всегда помогало, чаще всего он просто ждал, когда я упаду и не смогу произнести ни слова от слёз и боли. Его плеть оставила мне много шрамов. В тот день, когда я начала вести этот дневник, я, как обычно, вытирала пыль в доме. Над моим ухом пронеслась плеть и тогда я поняла – я в ловушке. И я, оббегая хозяина, выбежала в коридор... дальше вы уже знаете. Так прошёл мой первый месяц здесь. Сейчас

жители поместья затихли в непонимании, что произошло, и почему хозяин стал спокойнее. А я не понимаю, к чему это всё может привести.

За время стирки и моих нагрывавших воспоминаний руки стали ледяные, белье почти идеально чистое. Я посмотрела на свои запястья – они были в синяках от страсти и в шрамах от плети. Я не знала, как к ним относиться. И как я теперь отношусь к хозяину, зная его слабое место – взгляд, который нельзя отводить.

Я пришла в свою комнату и тихо села на постель, погружившись в воспоминания о той жизни, которая была у меня до этого поместья. Начался рассвет и в мою дверь звонко постучали.

- Странно, слишком рано для начала работы.

В дверях стояла Нинэль и шокировано смотрела на меня. В руках у неё были бумажки и мешочек чего-то тяжелого. Ее голос дрожал, она совсем не понимала, что происходит. Она протянула мне все, что принесла.

- Хозяин дал мне это и сказал, чтобы ты убиралась из поместья до того, как взойдёт солнце. Он...дал тебе вольную. Ты свободна!

Я не верила своим ушам.

Неужели это – всё? Я могу жить, как раньше? Могу вернуться к родителям?

- Бери, давай. Тут ещё золотые монеты. Я не знаю, что с ним. Он сказал, что ты должна уехать так далеко, чтобы он тебя не видел. Ты ему противна.

Я всё ещё молчала. Этих золотых хватит, чтобы купить небольшое поместье и нанять себе слуг на первое время... Господин сделал мне щедрый подарок.

Я попрощалась с Нинэль, взяла вещи и вышла из поместья до восхода солнца. Я взглянула на дом и на его окно. Хозяин стоял и внимательно следил за тем, куда я иду. В этом взгляде я читала сомнения и страх. Он словно не хотел выгонять меня...но и чувствовать себя уязвимым – тоже.

Он говорил, что я ему противна. Но это ложь.

Увидев его взгляд, я поняла – я нарушу его просьбу и выкуплю соседнее поместье у пожилой вдовы. Его окна как раз выходили на него. Он будет в ярости от моих игр, и я знала это. Я хотела этого, вновь хотела довести его. Я несколько раз перевела взгляд от господина к соседнему поместью. На моём лице появилась яркая, издевательская улыбка.

Он видел, что я направилась туда и сразу всё понял. В его глазах появилась ярость и азарт. Он тихо прошептал:

- Девочка, неужели, ты хочешь ещё поиграть?

Запись четвёртая. Останься.

В день своего освобождения я купила то самое поместье напротив. Вдова сразу же отдала мне бумаги. Старушка была рада избавиться от этого дома, она давно мечтала о переезде в город. Я отдала почти все свои деньги. Но я не жалела их. Я понимала: этот дом – моя свобода. А быть свободной для меня – что-то новое. Я зашла в свой дом. Он выглядел грязно и пыльно. Я сразу поднялась в спальню, на второй этаж.

Я открыла старые пыльные окна и посмотрела на дом напротив. Темнело, и я чувствовала – он не оставит меня. Я знала, что он придёт. Я ждала этого, как ждут грозу — когда воздух уже пахнет электричеством, а сердце сжимается до того, как упадёт первая капля. Но я решила хотя бы чуть-чуть прибраться. Запах пыли и старости был невыносим. Через час в моём доме пахло свежей травой, цветами и выпечкой. Наступила ночь. Поместья погрузились в темноту.

Я сидела в полумраке, прислушиваясь к дыханию дома, и знала: он идет. Я не закрыла дверь и не закрыла калитку. Я словно сама хотела его видеть.

Но почему? Что меня в нём так манит?

Я увидела его силуэт возле моего дома. Продолжая стоять у окна, я просто ждала. Пока холодный ночной воздух развивал мои распушённые, светло-русые волосы.

Он вошёл без стука — как всегда. Его шаги были мягкими, осторожными, как у зверя, который знает, что добыча никуда не денется. Я не обернулась, но я чувствовала его присутствие — оно заполняло комнату, как дым. Он закрыл дверь и она тихо скрипнула, я продолжала стоять и смотреть в окно делая вид, что я его не слышу. А потом я резко почувствовала его дыхание, близость и...холодную кожу плети на своей шее.

Я замерла, когда она коснулась моей кожи. Это было мгновение, которое длилось вечно. Я резко вдохнула и почувствовала, как моё тело вспомнило всё — каждый удар, каждый шрам, каждую секунду, когда я молила о пощаде. Моя кожа покрылась мурашками, дыхание остановилось, а сердце забилося так сильно, что я слышала его в ушах. Я снова была той, кто боится. Той, кто сжимается в комок, когда слышит его шаги.

Он стоял сзади, и я чувствовала его дыхание на своей шее, его запах, его силу. Я слышала, как он молчит — молчит и ждёт, что я сломаюсь. Он знал, что я помню боль. И он хотел, чтобы я вспомнила её сейчас.

Он наклонился ближе, и его голос стал тихим, почти шёпотом, но я чувствовала в нём всё — холод, власть, удовольствие.

— Ты помнишь меня, не надо делать вид, что за один день ты стала смелой и свободной. Твоя улыбка утром была слишком наглой., — сказал он, и его дыхание коснулось моего уха.

— И ты помнишь, кто ты. Испуганная прислуга в руках человека, которому доставляет огромное удовольствие делать тебе больно. Ты даже не представляешь, насколько мне было приятно наблюдать твою беспомощность. И как сладко для меня, видеть твой страх сейчас.

Я почувствовала, как его слова проникают в меня, как они находят те самые места, которые я пыталась спрятать. Моё тело дрожало. Я не могла это контролировать.

— Ты может обмануть себя, — продолжил он, и его голос стал ещё тише, почти интимным.

— Ты можешь обмануть меня. Сделать вид, что теперь ты – свободна и ничего не боишься. Но твоё тело не обманет.

Он сжал плоть на моей шее, и я почувствовала, как воздуха становится меньше. Я не дышала. Я слышала только его голос, его дыхание, его близость. Сжатая плоть заставляла меня прижиматься к нему спиной. Как бы я не пыталась дернуться вперёд, он держал. Но не сильно, просто удерживал. Но этого хватило мне, чтобы сдаться и перестать пытаться вырваться.

— Чувствуешь, как тебя трясёт? — прошептал он, и в его голосе мелькнуло что-то, что я не могла прочитать.

Не злость. Не удовольствие. Что-то другое, что-то похожее на надежду. Он так страстно хотел вернуть себе власть.

Я стояла, чувствуя, как каждый миллиметр моей кожи помнит его прикосновения, как каждый шрам оживает под его словами. Моё тело дрожало, но я не хотела убежать. Я не могла убежать. Я стояла, чувствуя его власть над собой, и позволяла ей быть.

Он медленно провёл плетью по моей шее, и я снова почувствовала холод, который был таким знакомым. Его рука двигалась медленно, почти заботливо — вниз по плечу, к руке, оставляя за собой холодный след. Он не давил, не бил — он просто касался, дразнил, напоминал.

— Я помню каждую твою слезу, — сказал он. — Каждый вздох. Каждый раз, когда ты просила остановиться.

Я закрыла глаза. Моё тело дрожало — я не могла это остановить. Он провёл плетью по моей ключице, медленно, почти невесомо, и я почувствовала, как по коже вновь пробегают мурашки. Каждое его прикосновение было как воспоминание о боли, которую я так хотела забыть. И я не могла перестать чувствовать это.

А потом он замахнулся. Я увидела это краем глаза — его рука поднялась, и в тот же миг я почувствовала, как воздух уходит из лёгких. Моё тело сжалось, готовое к удару, я закрыла глаза настолько сильно, что мои веки заболели...но он не ударил. Его рука сильно, грубо сжала мою шею, прижимая меня к оконной раме.

И тогда началось то, что я не могла контролировать.

Мои руки начали дрожать. Сначала слабо, потом — с дикой силой. Меня трясло так, будто я стояла на холоде, будто каждый нерв в моём теле кричал от страха. Мои ноги подкашивались. Я чувствовала, как воздух уходит из лёгких, как комната начинает кружиться перед глазами. Мне казалось, что я сейчас упаду. Что я уже падаю.

Но его рука на моей шее держала меня. Крепко. Не давая упасть. Он не отпускал. Он держал меня, словно знал, что я развалюсь на части, если он уберёт руку.

Я задрожала ещё сильнее. Мои глаза наполнились слезами. Я не могла остановить это. Страх был огромным, подавляющим — я чувствовала, как он заполняет меня. Но вместе с ним в груди разрасталось что-то ещё. Что-то, чего я не могла назвать. Но я это уже чувствовала от него ранее.

Его плоть скользила по моей руке. Медленно. Ласково. Это было странное, пугающее сочетание — его сила на моей шее и его же плоть, которая касалась меня, как напоминание о том, кем он был, и кем я была ещё несколько дней назад.

Он молчал и ничего не делал несколько секунд. Вдыхая мой страх, мою боль и моё отчаяние с искренним наслаждением. Затем он резко, грубо развернул меня к себе. Его руки сжали мои плечи, заставляя меня смотреть на него. Он слегка меня встряхнул. И в этот момент я увидела его не как хозяина, не как тирана, а как мужчину. Уставшего. Потерянного. Того, кто

носил в себе ту же боль, которую причинял другим. Я не отвела взгляд. Я вовремя вспомнила его слабое место. Я просто прожигала его глазами, наблюдая, как меняется его лицо.

Он замер.

Он ожидал увидеть страх. Он ожидал, что я отвернусь, что я заплачу, что я упаду на колени. Но я смотрела на него. Спокойно. Без страха. Даже мои слёзы начали постепенно высыхать.

Его руки дрогнули. Он отпустил мои плечи, и на его лице появилось выражение, которое я сразу смогла прочитать : он вновь не понимает себя и не может понять, что ему делать дальше. Он просто не знал, что делать с этим взглядом.

— Не смотри на меня так, — сказал он, и его голос был хриплым и сильно дрожал.

Я не отвела взгляд, продолжая прожигать бывшего хозяина своей уверенностью. Или же хотя бы пытаться создать иллюзию уверенности.

Он отступил на шаг, и я увидела, как его плечи опускаются, как он перестаёт бороться с собой. Он смотрел на меня, и я видела, как его глаза становятся влажными.

— Ты смотришь на меня так, как смотрела она, — сказал он, и его голос дрогнул.

— Моя сестра. Её звали Талия. Она была единственной, кто не боялся отца. Она смотрела на него так же, как ты смотришь на меня. Спокойно. Без страха. И он не мог этого вынести. Он убил её. Он сказал, что она слишком дерзкая, слишком свободная, слишком похожая на мать. А я стоял и смотрел...просто смотрел. Как же я слаб! То же самое я чувствую и сейчас, я просто смотрю и не могу ничего с этим сделать!

Под конец он почти перешёл на крик и резко замолчал. Я не шевелилась. Я чувствовала, как его слова врезаются в тишину, как они становятся частью меня и моей истории.

Я не знала, что лучше сказать и просто резко обняла его. Не страстно, не романтично — так, как обнимают человека, который только что рассказал тебе самую страшную правду своей жизни. Я чувствовала, как он замирает, как его тело напрягается, а потом постепенно расслабляется. Он не плакал. Он просто стоял, прижавшись ко мне, и я чувствовала, как его дыхание становится ровнее. Я поняла всё : его отец был жесток и научил его обращаться со слугами — как с вещью. Также его отец относился и к мальчику, и к дочери. Но господин был другим. В его глазах мелькала надежда, он ещё мог выбрать свою судьбу.

— Ты не он, — сказала я.

— Ты не отец.

Он не ответил. Он просто стоял, и я чувствовала, как его руки медленно поднимаются и ложатся на мою спину. Это было не объятие, а скорее попытка удержаться за что-то настоящее. Он словно держался за меня.

— Останься, — сказала я. — Просто останься здесь. Вне дома, вне стен, где всё напоминает тебе об отце и той ужасной трагедии. Почувствуй себя другим... словно ты совсем не связан с поместьем напротив.

Я сама поразилась от своего предложения. Остаться спать рядом с человеком, который может за одну секунду довести меня до истерики? Это было безумно. Безумно и манко. Он не ответил, но он и не ушёл. Он медленно оглянулся и увидел кровать. Господин отошёл от меня и опустился на её край, а я легла рядом, давая ему пространство, которое ему было нужно.

Мы лежали молча. Прошло несколько минут, и я услышала, как его дыхание становится глубоким, медленным. Он уснул. Я лежала рядом, чувствуя его тепло, его присутствие, его доверие. Впервые за долгое время я совершенно не боялась его. Я не думала о том, что будет завтра. Я просто была там, в этой тишине, где его сон стал самой большой искренностью.

Запись пятая. Он до сих пор здесь.

Я проснулась от света. Комната была залита солнцем, и я чувствовала его присутствие раньше, чем открыла глаза. Я не слышала его шагов, не чувствовала его дыхания — просто знала, что он здесь. По моей спине пробежал холод.

Я открыла глаза и увидела его. Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел в сад. Он не обернулся, когда я села на кровати. Он просто стоял, и я чувствовала, как его молчание заполняет комнату. Он выглядел отдохнувшим, но я осознавала - он хочет создать напряжение и вновь надеть свою маску хозяина.

Но захочу ли я видеть его в этой маске?

На столе рядом со мной стояла миска с ягодами. Я не знала, когда он их принес. Это были не просто ягоды. Это была брусника, которая росла в моём саду. Я заметила яркие кусты с ней ещё вчера. У вдовы не было желания ими заниматься. Я смотрела на его спину, на его руки, сжатые в замок за спиной, и чувствовала, как холод проникает в мою грудь.

— Ты проснулась, — сказал он, не оборачиваясь.

Голос его был ровным, почти безразличным. Холод вновь пробежал по моей коже. Он убрал всю близость, которая была у нас прошлой ночью. Я чувствовала - он хочет сохранить контроль, хочет чувствовать себя хозяином. И я решила поддаваться ему в его игре.

— Да, господин, — ответила я, и мой голос дрогнул.

Он медленно повернулся и подошёл ко мне. Сам факт того, что я назвала его господином, его завёл. Я видела в его глазах не только холод, но и азарт. Примерно с таким же азартом он поднимал руку на своих людей. И я осознала - он вновь будет пытаться напугать меня. Это — его страсть, его стихия. И я дам ему это.

Я замерла, когда он медленно протянул свою руку и провёл пальцами по моей щеке. Его палец остановился на тонком шраме — том, который он оставил в первый день. Я почувствовала, как страх снова поднимается внутри, заполняя лёгкие. Моё тело вспомнило боль, и я сжалась, не в силах это контролировать. Я знала, что мой страх не уйдет за одну ночь. Он месяц делал это со мной. Его руки были напоминанием о том, как иногда бывает больно. Но при этом я не могла не получать удовольствие от его прикосновений.

— Он до сих пор здесь, — сказал он тихо, и его голос был холодным, почти задумчивым. — Мой след.

Я не отвела взгляд, я не должна была его отводить: игра началась. Я смотрела на него, чувствуя, как его пальцы задерживаются на моём шраме, как он слегка надавливает на него, и моё тело отзывается дрожью. У меня содрогались плечи каждый раз, когда он проходил по нему, каждый раз, когда он специально на него давил. Он заметил это. Я видела, как его глаза слегка потемнели — не от злости, а от вновь поднимающегося желания власти. Я сидела перед ним обнаженная, смотрела снизу вверх испуганными глазами.... Как же ему это нравилось.

— Ты боишься меня, — сказал он, и в его голосе мелькнуло что-то крайне довольное.

— Да, господин, — прошептала я, чувствуя, как мой голос предательски дрожит.

Я не разрывала контакт глазами, стараясь контролировать свой страх. Но мой голос и мои плечи делали своё дело. Он всё понял.

Он наклонился ближе, и я почувствовала его дыхание на своей коже, его запах, его присутствие, которое заполняло всё вокруг.

Сердце билось с дикой силой, а в глазах начало темнеть.

— Хорошо, — сказал он, но его голос звучал не так, как раньше.

Он словно проверял, работает ли его контроль. Он чуть сильнее сжал мой шрам большим пальцем, а руку запустил в волосы, заставив меня этим сильно запрокинуть голову. Я видела, как он пытается вернуть ту самую стену, которую я пробила прошлой ночью. Как он хочет снова чувствовать мой страх и уязвимость. Он смотрел на меня, а я дрожала от его взгляда. Мои глаза предательски опустились.

Что я делаю?! Он всё понял, он всё считал. Я должна была держаться...

Он всё сильнее давил на шрам и я чувствовала, что не могу больше смотреть на него... я вновь вспомнила все его удары, мои крики и просьбы остановиться. Шрам, который он оставил на моей щеке в тот день - символ потери моей свободы и воли.

— Ты всё ещё моя рабыня, — сказал он, и его голос на последнем слове стал жёстче.

— Да, господин, — ответила я, и в моём голосе не было вызова.

Только, правда, которую он хотел услышать. Я не чувствовала себя свободной.

Хотела ли я вообще свободы от него?

Я вновь подняла на него глаза. Они были такими темными, глубокими... в них было столько азарта и желания власти. В его голосе была одновременно и жесткость, и холод, и издевка.

- Повтори это. Скажи мне, кто ты?

- Я рабыня, господин. А ты - мой хозяин...

Голос дрожал настолько сильно, что не давал мне договорить. Дыхание сбивалось, а глаза так и хотели опуститься.

- И что это значит?

- Я буду делать то, что ты скажешь, господин.

- Продолжай.

- Ты всегда можешь прийти в этот дом и делать то, что тебе угодно.

Господин самодовольно ухмыльнулся и выпрямился, оставив мой шрам в покое. Он начал болеть от силы надавливания. Я прикоснулась к щеке и поняла - моё лицо горит. Он отошёл на шаг, взяв плетёнку со стула. Он не смотрел на меня, но я увидела его равнодушный взгляд на плетёнку. Он на секунду замер, как будто хотел её оставить, словно сопротивлялся своим сомнениям. Я заметила это и поняла - в нём что-то изменилось.

— Ешь, — сказал он, не оборачиваясь. — Ягоды собрал для тебя.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Я смотрела на миску с брусникой, чувствуя, как страх всё ещё живёт в моей груди, смешиваясь с чем-то тёплым, что я не хотела признавать. Эти ягоды - не знак симпатии или любви. Скорее, символ благодарности... То, что он дал мне взамен за эту ночь.

Я вновь провела пальцами по тому месту, где он касался моего шрама, и почувствовала, как его прикосновение всё ещё горит на моей коже. Он хотел вернуть контроль, и он вернул его. Но я видела, как его руки слегка дрожали, когда он уходил.

Что, если его роль и маска стали для него слишком тяжелыми? Что, если он сильно поменяется после этой ночи?

А может, я это себе придумала, и он остался прежним? Не знаю...

Запись шестая. Прости.

Последние несколько дней я чувствовала себя свободной. Впервые за долгое время я дышала полной грудью.

Я сама решаю, когда вставать. Что есть и чем заниматься. Такая свобода пугает меня. Но я стараюсь учиться. Учиться жить по-другому.

Я не смотрела в сторону его дома. Я не боялась каждого звука за дверью. Я просто жила, просыпалась с первыми лучами солнца, выходила в сад, и тишина вокруг меня была моей. Я сажала цветы, поливала грядки, разговаривала с птицами и чувствовала, как каждый день наполняет меня чем-то новым. Свобода была странной — я не знала, как с ней жить. Но я училась. Училась жить без родителей и хозяина. В это сложно поверить, но я словно стала постепенно забывать ту жизнь. Теперь я – хозяйка дома. Ко мне частенько заходила Нинэль, она покупала у меня ягоды по приказу господина. Я очень радовалась тому, что в поместье была тишина. Он никого не бил, не наказывал. Нинэль сказала, что они наконец-то могут просто жить. Но в глубине души я знала – он придет. Чтобы увидеть мой страх, чтобы вновь пережить гнев. Ему больше негде чувствовать то, что необходимо. И я испытывала странное желание. Желание, чтобы именно я была источником его удовольствия.

Было очередное солнечное утро, я проснулась из-за звонкого стука в дверь. Я нежно улыбнулась и бодро побежала на первый этаж.

Нинэль! Как же я буду рада вновь увидеть ее. Она сегодня как раз должна зайти за ягодами.

Я чувствовала себя такой спокойной, хоть и проснулась только что. В дверь вновь постучали.

- Я бегу, Нинэль! Одну секунду, дорогая. Я только встала.

Я открыла дверь и замерла. На пороге стоял он. В его руке вновь была плеть.

Я почувствовала, как мир сжался до размеров этого порога. Моё сердце остановилось на мгновение, а затем забилося так быстро, что я слышала его в ушах. Его полный злобы взгляд и напряжённые руки говорили сами за себя – мне вновь будет страшно. Он сделает всё, чтобы я опять ощутила ужас.

Куда пропало моё желание? Или это страх заглушил его?

— Ты... что ты тут делаешь? — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

Он не ответил, но в его теле читалось сильнейшее напряжение. Он шагнул внутрь, и я отступила, но он был быстрее. Он схватил меня за плечи и толкнул к стене. Я слегка ударилась спиной о холодную поверхность, и воздух вырвался из моих лёгких. Его тело прижало меня к стене, и я чувствовала его дыхание на своей коже. Я смотрела в его карие, почти чёрные глаза. В них читалось столько холода и ярости одновременно, что у меня скрутило живот.

- Как ты смеешь спрашивать меня об этом? — сказал он, и его голос был тихим, почти ласковым.

Он мягко провел по моей щеке холодными пальцами, медленно опускаясь к моим приоткрытым и трясущимся от страха губам. В его взгляде появилось столько удовольствия, столько желания. Я молчала, пока он водил по моим губам, заставляя их приоткрыться сильнее.

- Разве это вежливо? Общаться так со своим хозяином? М?

- Это мой дом и я не твоя собственность, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо. — Ты же отпустил меня. Я свободна. Я живу свою жизнь.

Я хотела в это верить, хотела, чтобы он верил. Я сделала вид, что не помнила нашего последнего разговора. Я подумала, что смогу переиграть его.

Он рассмеялся — тихо, почти беззвучно.

— Свободна? — повторил он, и в его голосе послышалась насмешка.

— Ты совсем забыла своё место? Ты вещь, собственность. Ты та, с которой я могу делать всё, что захочу. Ты хочешь сказать, что забыла то утро и забыла свой страх?

Я начала дрожать. Его близость, его тон и взгляд...он прожигал меня. Я старалась смотреть ему в глаза, но почувствовала, как мои предательски округлились. Я не смогла скрыть свой страх. Он ухмыльнулся и вновь холодно провёл пальцами по моим губам, он заставил дрожать их ещё сильнее. Теперь меня вновь всю трясло.

- Я...

Мои глаза начали бегать по комнате. Он молчал. Ему было приятно думать о том, что он может вмиг разрушить то, что я строила и чувствовала несколькими днями ранее. Я не знала, что говорить. Сыграть «в дурочку» не получилось.

Как быть? Может, мне не стоило противостоять ему? Может, надо было сразу подчиниться? Что он сделает со мной?

Он медленно провёл плетью по моей груди. Я почувствовала холодную кожу через ткань платья — знакомое прикосновение, которое раньше заставляло меня сжиматься. Но сейчас я стояла неподвижно. Мне было некомфортно, но я не боялась. Я знала эту плеть. Я знала её боль. Но она больше не имела власти надо мной. Я вспомнила, как он смотрел на неё тогда. Утром. Что даже у него она более не вызывала эмоций. Я продолжила смотреть в его глаза.

Он заметил это. Его глаза сузились, и его лицо на мгновение стало твёрже. Он провёл плетью по моему плечу — медленно, ожидая, что я вздрогну. Я не вздрогнула. В его голосе звучало лёгкое разочарование.

- Нинэль сказала, что тебе тут хорошо. Слишком хорошо.

Я не ответила, лишь уверено посмотрела в его глаза. На секунду он оказался в замешательстве и перевёл свой взгляд на плеть.

Это всё? Это все, чем ты можешь меня напугать? Господин, неужели это всё? Я разочарована...

— Она больше не пугает тебя, — сказал он, и в его голосе не было вопроса. Только холодная констатация.

— Да, это в прошлом, — ответила я, и мой голос был ровным. Мое тело постепенно успокаивалось.

Он вновь посмотрел на плеть, затем на меня. И мягко улыбнулся. Это была не та улыбка, которую я знала. Это была улыбка, которая обещала, что он знает, как вернуть мне страх. Я не поняла ее, но почувствовала — у него есть запасной план. Он разжал пальцы, и плеть упала

на пол с глухим стуком. Я смотрела на неё, с непониманием. Он никогда не расставался с ней. Она была его частью, его символом, его властью.

— Она мне больше не нужна, — сказал он, не отрывая от меня взгляда. — У меня есть кое-что другое. То, что напечет тебе твоё место.

О чём он говорит?!

Он медленно вытащил из-за пояса цепь. Тяжёлую, ржавую, с длинными звеньями, которые звякнули друг о друга. Я узнала этот звук. И в этот момент я вспомнила все. Я вспомнила крики. Я вспомнила, как он бил ею одного из слуг, пока тот не перестал двигаться, он оставил его калеккой. Я помнила её тяжесть, её холод, её вкус металла и крови. Я помнила, как она оставляла следы, которые не заживали неделями. Он бил меня ею однажды – и это было настолько болезненно, что я несколько дней не могла встать с кровати.

Нет! Нет!

Я почувствовала, как страх поднимается внутри меня, заполняя лёгкие. Мои руки начали дрожать. Мои ноги подкашивались. Он перебирал в руках цепь и внимательно изучал мою реакцию. Я готова была сделать все, что угодно... умолять его, падать на колени. Но не видеть это оружие и не чувствовать эту боль всем своим телом. Я посмотрела в его глаза, по моим щекам потекли слезы. Он хотел этого. Хотел, чтобы я назвала его господином. Чтобы я вспомнила, что я – игрушка в его руках.

— Нет, — вырвалось у меня. — Пожалуйста, господин, только не это...я прошу...нет!

Мой голос сорвался на крик. Такой тонкий и слабый. Хозяин был очень доволен. Он подошёл ближе, и я слышала, как цепь касается пола, когда он двигается. Он стоял передо мной, и я видела, как его глаза горят холодным светом. Я лишь сильнее вжалась в стену. Я быстро и громко дышала.

Не подходи! Прошу, не подходи ко мне!

— Ты боишься её? — спросил он, и его голос был почти нежным. Он издевался с искренним наслаждением.

— Да, — прошептала я, чувствуя, как слёзы сильнее текут по моим щекам. — Я боюсь её, господин.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда продолжим.

Он прижался ко мне, и я всеми силами заставляла себя смотреть в его глаза. Он нежно обмотал цепь вокруг моей шеи, и я почувствовала, как холодный металл касается моей кожи. Я затаила дыхание. Он медленно затянул её, и я слышала, как звенья сжимаются, как они впиваются в мою кожу. Воздуха стало меньше. Я попыталась вдохнуть, но не смогла. Мои руки взметнулись к шее, но он перехватил их и прижал к стене над моей головой. Я чувствовала, как цепь сжимается вокруг моей шеи, как она врежется в кожу, оставляя красные следы. Я не могла дышать. Я не могла говорить. Я смотрела на него, чувствуя, как страх достигает предела. Моя голова начала слегка трястись. Он медленно сжимал цепь, и я чувствовала, как мир начинает темнеть вокруг меня. Он приблизил своё лицо к моему, и я видела, как его дыхание касается моих губ, как его глаза изучают мою агонию. Он искал в моих глазах сломленность. Он искал страх, который уничтожит меня.

Я не отвела взгляд. Я помнила, его нельзя отводить. Это было моё единственное оружие. Я смотрела на него, чувствуя, как цепь сильнее впивается в мою кожу, как воздух уходит из

моих лёгких, как мир начинает сужаться до его лица и его глаз. Моё тело дрожало. Мои руки были прижаты к стене, и я чувствовала, как они трясутся, как мои пальцы судорожно сжимаются и разжимаются. Я не могла контролировать эту дрожь. Но я не отводила взгляд.

Я хотела, чтобы он видел: мне страшно. Мне больно. Я задыхаюсь. Но я не ломаюсь. Я не закрою глаза. Я буду смотреть на него, даже если мир исчезнет за его лицом.

Ты не сломаешь меня. Это я. Я ломаю тебя. Посмотри на меня и скажи, что это не так.

Он замер.

Я видела, как его глаза изменились. Как его хватка ослабла. Как его лицо стало напряжённым, как будто он искал в моих глазах ту самую сломенность, которую хотел увидеть, но вновь не находил. Моё тело дрожало. Я чувствовала, как каждая клетка кричит от страха и боли. Живот болел с дикой силой. Но я не отводила взгляд.

Он медленно ослабил цепь. Я вдохнула воздух, который обжёг мои лёгкие, и почувствовала, как мир возвращается ко мне. Я кашляла, я плакала, сгибалась, но я всё ещё смотрела на него. Он стоял передо мной, и я видела, как он пытается понять, что произошло. Как он пытается вернуть контроль, который потерял на мгновение. Он вновь растерялся, в его глазах пробежало что-то новое, что-то сильно похожее на жалость и стыд. Он кинул цепь в коридор, и она с грохотом упала.

Господин стоял в замешательстве и неуверенно переступал с ноги на ногу. Он не смотрел на меня и, крайне резко, упал на колени и прижал голову к моим бедрам. Я стояла в ступоре. Я не понимала, что мне делать.

Он сломался. Я справилась.

Не поднимая головы, он тихо, почти шёпотом сказал:

- Прости...за то, что я сделал. Это отвратительно. Я ненавижу себя за это. Я ненавижу себя за то, что не могу спокойно смотреть, как ты живёшь свою жизнь. Я ненавижу себя за то, что каждый день думаю о твоих глазах. Я так хочу сделать больно кому-то. Но не могу...

Запись седьмая. Сгоревшие.

Моё дыхание восстановилось, а слёзы высохли. Я поняла – власть вновь перешла в мои руки. Я подняла его голову за подбородок. Мой голос был тихим и спокойным.

- Ты впервые извинился передо мной. Я это ценю. Но если хочешь, чтобы я тебя простила – избавься от оружия. Хватит, оно больше тебе не нужно. Брось цепь и плеть в камин, прямо сейчас.

Он покорно встал с колен, молча, поднял обе вещи и кинул их в камин. Я, всё это время, молча, шла за ним. Мы несколько секунд тихо стояли в гостевой комнате. Он отстраненно смотрел на пламя и тихо шептал.

- Это вещи моего отца... именно этой цепью я задушил его семь лет назад.

Я не могла отвести от хозяина глаз. Он был безразличен, но на глазах у него выступили слезы. Неожиданно для себя я выпалила:

- Да что же с вашей семьёй не так! У вас в роду все какие-то убогие? У вас вообще хоть кто-то нормальный есть? Или все как ты?

Зачем я сказала это?! Он раскрывается, а я....Вдруг, ему станет больно от моих слов?

Хозяин громко и искренне рассмеялся. Его плечи расслабились, а взгляд стал тёплым и понимающим. Я не ожидала такой реакции.

- Знаешь, а ведь это действительно так. У нас в роду все мужчины и женщины были жестоки. Я так хочу...

Он резко замолчал и посмотрел на меня. Я увидела в его глазах искреннюю грусть и усталость. Он словно не спал несколько дней.

- Я так хочу быть другим, Лилиан.

- Это тяжело, это переламывание себя. Но я знаю, ты сможешь. Ты уже две недели никого не обижаешь и никому не делаешь больно. Но, тогда ответь мне на один вопрос. Кто я? Твоя собственность?

Он угрюмо и пристыжено плюхнулся на ковёр возле камина и отвел взгляд. Я молчала. Я хотела дождаться его ответа.

- Я хочу тобой управлять, хочу видеть твой страх. Мне нравится ощущать, что я могу доводить тебя до дрожи. Но каждый раз, когда я смотрю на твои уверенные глаза – я вижу Талию. Чёрт, ты так похожа на неё! Это разрушает меня.

Я смотрела на него сверху вниз, его тело совсем расслабилось. Мне так понравилась эта искренность, что я аккуратно улынулась.

Он нежно притянул меня за руку к себе на ковер, и я села на его колени. Ему было стыдно, стыдно за все, что произошло этим утром.

- Я прощаю тебя. Но впредь ты должен знать. Я – не твоя вещь, я твой друг. И я всегда рада видеть тебя в моём доме. Даже, когда ты зол. Даже, когда ты хочешь, чтобы я боялась. Я приму тебя любым.

У него на глазах вновь выступили слезы, и он вжался в мои волосы, прикрывая веки. В дверь глухо постучали, и я услышала звонкий голос Нинэль.

- Лилиан! Ты дома? Садисту опять нужны свежие ягоды! Он меня ещё вчера вечером послал, а я и забыла! Открой скорее, пока он не проснулся....Ой, у тебя дверь открыта! Я зашла.

А то потом начнётся: почему не принесла, я должен знать, как у Лилиан дела, все ли в порядке. Кстати, мне было стыдно спрашивать, но я спрошу. Почему он вообще интересуется тобой? Это не моё, собачье дело. Но ты не думаешь, что он к тебе испытывает самые интересные чувства?

Я удивленно взглянула на господина, он сидел весь красный и тихо шептал:

- Твою мать, Нинэль! Замолчи!

Нинэль подошла к столовой и увидела нас: хозяин сидел на ковре пристыженный, я сидела в ночном платье у него на коленях и хихикала. Она не знала, что сказать и на секунду потеряла дар речи. Его голос резко стал грубым, но тихим.

- Лучше просто уйди...

- А...ой. Вы, видимо уже поели ягод?

Я искренне расхохоталась, а хозяин резко рявкнул на служанку.

- Нинэль, уйди прочь!

Ему было стыдно за всё...Служанка вышла, а я продолжила смотреть на его лицо. Красное и униженное. Я приблизилась к его уху и тихо прошептала.

- Знаешь, ты всё ещё можешь сделать мне больно....Но не так, как раньше. По-другому.

Он замер. Я видела, как его глаза потемнели, как его дыхание сбилось. Он хотел этого, хоть и стыдился.

— Через близость, — сказала я. — Ты можешь быть грубым. Ты можешь сделать мне больно. Но только так, как я разрешу. Ты не причинишь мне боль, которую я не захочу чувствовать.

Он стоял, глядя на меня, и я видела, как его руки сжимаются в кулаки. Его мышцы начали напрягаться одна за другой. Но я видела по его глазам и азарту – он хотел этого. Искренне.

— Ты знаешь, что ты предлагаешь? — спросил он, и его голос был хриплым.

— Знаю, — сказала я. — Я хочу этого. Я не боюсь тебя, господин.

Я специально назвала его так. Я знала, это спустит курок, и он больше не сможет держаться.

И он не ждал. Он крепко обхватил меня руками и прижал к полу возле камина. Я чувствовала, как тепло от пламени греет мою кожу, как его руки касаются моего тела, как он снимает платье с моих плеч. Я видела его глаза — в них не было злости, только желание.

Он вошёл в меня резко, и я почувствовала острую боль, которая пронзила всё моё тело. Я вскрикнула, и в этом крике был не только отклик на боль, но и тот самый животный страх, который я не могла контролировать. Моё тело начало дрожать. Я чувствовала, как мои руки трясутся, как мои ноги подкашиваются, как каждый нерв в моём теле кричит от ужаса. Я не могла это остановить.

Он замер. Я чувствовала, как его тело напряглось, как он пытается остановиться.

— Я не могу, я не должен опять... — прошептал он, и я слышала в его голосе боль.

Он вышел из меня и покачал головой. Он хотел, но не мог решиться.

— Ты можешь, — сказала я, притягивая его руками к себе.

Я настойчиво поцеловала его губы, кусая каждую из них. Он смотрел на меня, и я видела, как его сопротивление тает. Он медленно, почти невесомо, вошёл в меня снова. И в этот раз он не спешил. Его движения стали медленными, глубокими, и я чувствовала каждый его толчок. Боль была острой, но я принимала её. Это было так сладко, так маняще. Но он не дал мне отдохнуть... он резко схватил мои запястья и прижал их к полу над моей головой. Я почувствовала, как его пальцы сжимают мои руки, фиксируя меня, лишая возможности двигаться. Я вздрогнула, когда его рука легла на моё горло — не сжимая, не душа, а просто удерживая, давая мне почувствовать, что я вновь полностью в его власти.

— Ты боишься меня? — спросил он, и его голос стал насмешливым, почти ласковым.

— Да, — вырвалось у меня, и я чувствовала, как его пальцы слегка сжимаются на моём горле, усиливая мою дрожь.

— Хорошо, — сказал он, шлёпнув меня по бедру.

Я вздрогнула, чувствуя, как боль от его удара разливается по моей коже. Она меня пугала... как раньше. Но я так хотела её чувствовать.

Он двигался во мне медленно, глубоко, и каждое его движение причиняло мне боль, которую я принимала. Его пальцы всё ещё сжимали мои запястья, не давая мне пошевелиться. Я чувствовала, как его рука на моём горле сжимается сильнее, и мой страх становился всё более острым, но вместе с ним — усиливается и желание.

— Ты хочешь, чтобы я сделал тебе больно? — спросил он, и его голос стал тише, почти интимным.

— Да, — прошептала я. — Я хочу, чтобы ты сделал мне больно, господин.

Он шлёпнул меня снова, и я вскрикнула, чувствуя, как боль переплетается с чем-то ещё.

— Ты боишься меня? — спросил он, и его голос стал почти нежным.

— Да, — вырвалось у меня. — Я очень боюсь тебя, господин.

— Хорошо, — сказал он, и я почувствовала, как его руки сжимают мои бёдра до синяков, как он входит в меня глубже, заставляя меня кричать. — Ты должна бояться меня. Твой страх делает тебя такой покорной. Такой нежной.

Он сжал моё горло ещё сильнее, и я почувствовала, как воздуха осталось совсем мало, как мой страх достигает предела. Но он не просто душил меня — он держал, фиксировал, напоминал мне, что я полностью в его власти.

— Назови моё имя, — сказал он, и его голос стал низким, почти хриплым. — Ты знаешь его?

Я замерла. Я не знала его имени. За все эти дни он никогда не говорил мне его. А другие слуги называли его хозяином или господином. Я покачала головой, чувствуя, как на глазах появляются слёзы, и они смешиваются со страхом и желанием.

Я действительно не знаю его имени...Даже стыдно.

— Нет, господин, — прошептала я. — Я не знаю твоего имени.

Он усмехнулся, и я видела, как его глаза потемнели. Он наклонился ближе, прямо к уху и я почувствовала его дыхание на своей коже.

— Бенджамин, — сказал он, и его голос был почти шёпотом. — Моё имя — Бенджамин. Теперь ты знаешь его. Кричи его. Умоляй меня продолжать, называя меня по имени.

Я смотрела на него, чувствуя, как его имя проникает в меня, как оно становится чем-то новым, чем-то, что я должна произнести. Оно стало для меня иным витком желания и страсти.

— Бенджамин, — вырвалось у меня, и мой голос дрожал от боли и желания. — Пожалуйста, не останавливайся. Продолжай. Я умоляю тебя, продолжай. Мне нужно это!

Он замер на мгновение, услышав своё имя из моих уст, и я увидела, как его глаза потемнели ещё сильнее. Я чувствовала, как его тело напрягается, как он сдерживается, чтобы не потерять контроль.

— Ещё, — сказал он, и его голос был хриплым.

— Бенджамин, — закричала я. — Пожалуйста, Бенджамин, не останавливайся. Я хочу чувствовать тебя. Я хочу чувствовать боль. Пожалуйста, продолжай. Сделай мне больнее! Сделай так, чтобы я боялась тебя!

Он сжал мои запястья сильнее, и я почувствовала, как его движения становятся быстрее, как он срывается. Я кричала его имя снова и снова, и каждый мой крик наполнял комнату, смешиваясь с треском огня и моими стонами. Моё тело гудело, он бил по мне, оставляя синяки. И я хотела этого...

В моменте он потянул мои волосы вниз, заставив всё моё тело выгнуться. Я услышала его глухой стон, он резко отстранился и лёг возле меня. Он тяжело и быстро дышал, его тело горело, а глаза бегали по потолку.

- Я опять...

Я вновь увидела в его глазах стыд и страх.

- Я опять сделал тебе больно...

- Бенджамин, я хотела этого. Для меня это как игра. Ты не сделал ничего плохого, я получила удовольствие.

Я развернулась к нему и посмотрела в его глаза. Он смотрел на меня в ответ, кусая губы.

- Спасибо тебе, Лилиан...

Запись восьмая. Хочу...очень хочу.

После слов благодарности Бенджамин резко встал и начал импульсивно одеваться. Ему было неприятно, что я вновь увидела его боль и слабость. Однако сейчас я могла играть по своим правилам. По крайней мере, мне так казалось. Я взяла его за руку, пока он нервно застегивал рубашку. И с интересом заглянула в его глаза.

- Не уходи так быстро, дай мне ещё чуть-чуть насладиться тобой настоящим, искренним.

В его глазах мелькнуло сомнение, а потом интерес.

- Ты просишь меня об этом?

Игра вновь началась, ему нужно было вернуть себе чувство контроля. Я привстала на колени, поддаваясь. И нежно направила его руку к своей щеке.

-Я очень...очень прошу тебя остаться.

Он ехидно улыбнулся, но в его глазах мелькнул холод. Бенджамин резко забрал свою руку и аккуратно прошептал.

- Я буду решать, получишь ты , что хочешь или нет. И сегодня тебе не повезло, старайся лучше.

Он отодвинулся от меня и направился к выходу, оставив меня в голой тишине. Нет, он не оглянулся, не сказал ни слова...

Это было в его стиле, и я это знала. Через несколько минут ко мне вновь пришла Нинэль и передала мне чёрный тюбик.

- Господин сказал передать его тебе... он сказал, это нужно пить после каждой близости с ним. Чтобы у тебя не было проблем. Но только несколько капель, разведи их с водой.

Сначала я не поняла, но Нинэль рассказала мне, что один из самых больших страхов хозяина – это рождение ребенка. Он очень боялся того, что малыш может стать похожим на него или его отца.

Мне нельзя рожать. По закону, ребёнка, рождённого вне брака, должны убить.

Дни тянулись плавно и спокойно. Нинэль всё чаще спрашивала меня про хозяина, про мои отношения с ним. Да, мы много сплетничали...

Я заметила, что она начала словно расцветать: она смелее общалась и даже шутила про своего господина. Всё в их поместье было хорошо, там прекратились крики и страх.

Я размышляла о том, чтобы приехать к родителям. Но не решалась, для меня это было болезненно. Они отдали меня в рабство и исчезли, я не могла их простить, хоть и сильно любила.

Бенджамин не заходил ко мне, и я давала ему это право. Я сказала, что приму его любим...но сегодня. Сегодня что-то во мне изменилось. Я хотела видеть его, хотела чувствовать его запах. Я взяла деньги и пошла в сторону своего старого поместья, я понимала, что теряю контроль. Но так хотела и желала его близости, что не могла больше терпеть.

Неделя! Целая неделя прошла с нашей последней встречи. Я не могу больше ждать! Да, это неправильно. Да, леди так не поступают. Но я сгораю от желания каждый день.

Нинэль выбежала во двор и удивлённо посмотрела на меня. Из окон на меня выглядывали те, с кем я раньше работала. И он. Стоял в окне и внимательно изучал меня взглядом.

- Милая, что-то случилось?

- Да, я хотела бы обсудить с твоим господином поставку еды с ваших деревень ко мне в дом. У меня хорошо растут овощи и ягоды. Но мне также необходимо мясо, молоко и хлеб.

Нинэль обратила внимание на то, как я нервно теребила свой кошелёк и поняла, что дело здесь не в еде. Я старалась аккуратно оправдаться.

- Мне приходится ездить за ними в город, но это так неудобно... Будь так добра, попроси господина прийти ко мне и обсудить... что-нибудь.

Лириан, что же ты несёшь! Неужели, нельзя было придумать что-то другое!

Нинэль тихо улыбнулась. Ее ожидания подтвердились.

- Давай я поднимусь к нему, он последние дни в хорошем расположении духа.

Старшая служанка быстро поднялась по лестнице на второй этаж, а ко мне на улицу выбежали дети и взрослые. Они не понимали, что произошло и почему мне дали свободу. Я искала глазами одну девочку 13-ти лет. Она имела милейшее личико, курносый нос и светлорусые, выгоревшие волосы. Но её не было видно.

- Где же Грета? Где моя «младшая сестрёнка»?

- Лириан, она на кухне сегодня!

Слуги, перебивая друг друга, рассказывали мне, как изменился хозяин. Как он похорошел, стал читать книги и даже гулять по утрам. Я подумала о том, что неплохо взяла власть над его состоянием. Ко мне выбежала запыхавшаяся Нинэль.

- Ну-ка, разошлись все! Лириан, хозяин ждёт тебя... в своей спальне.

Последние слова она специально сказала так, чтобы никто не слышал. Я покраснела и ещё сильнее сжала кошелёк. Я не ожидала, что он позовёт меня к себе. Я медленно зашла в дом и на меня нахлынули воспоминания. Вот пол, об который он меня ударил в первый день, вот в том углу он пытался задушить служанку. А в коридоре на втором этаже он бежал за мной в тот день... Моё сердце сильно застучало, и лишь возле двери его комнаты я поняла – это она. Именно здесь я впервые почувствовала к нему то самое желание. Но сейчас внутри меня был только страх. Руки начали трястись и дыхание чуть-чуть сбивалось.

- Проходи!

Нинэль открыла передо мной двери, и я медленно зашла в его спальню. В ней определённо что-то поменялось: больше не было пыльных и чёрных штор, на полу не валялись бутылки. Он стоял и сосредоточено изучал бумажки, которые лежали на его столе. Сзади него

стояла расправленная кровать. На секунду я поймала себя на мысли, что хочу оказаться сейчас в ней и вновь почувствовать ту боль от его резких движений. Я представила, как он швыряет меня на неё, как я дрожу от желания. Как он с силой сжимает мои бёдра.

Но, я стояла в дверях, а он делал вид, что меня тут нет. Нинэль толкнула меня и прикрыла двери. Хозяин не отрывался от бумаг и что-то в них активно писал.

- Бенджамин...

Мой голос звучал пискляво, очень несчастно. Всё дело было в воспоминаниях, которые никак не могли оставить меня в покое. Хозяин не оторвался от бумажек. Я не знала, что мне делать и просто тихо села на кресло возле двери. Через несколько минут молчания хозяин начал напрягаться.

Я увидела это краем глаза — то, как он сжал перо. Он стоял над столом, напряжённый, холодный, и его пальцы обхватили его так, будто оно было продолжением его воли. Я видела, как побелели костяшки, как он медленно, почти неосознанно, давил на неё, пока та не начала трещать под натиском.

Я сидела в кресле, смотря на него снизу вверх. Моё тело вновь отреагировало раньше, чем я успела подумать. Плечи напряглись, дыхание стало поверхностным, руки слегка дрожали. Я не могла это контролировать.

И я вновь вспомнила.

Эта комната. Та самая, где я когда-то хотела спрятаться. Где я вжалась в стену, услышав его шаги. Где он загнал меня в угол, как дичь, и смотрел на меня с той же холодной улыбкой. Я вспомнила, как моё сердце колотилось о рёбра, как он наслаждался каждым мгновением моего страха. Я вспомнила, как его тень накрыла меня, как он стоял надо мной, и как я чувствовала себя маленькой и беспомощной.

Это воспоминание накрыло меня волной, и я почувствовала, как страх сильнее поднимается внутри меня — тот самый, животный, который я не могла контролировать. Мои руки начали дрожать сильнее. Мои пальцы вцепились в подлокотники кресла, будто я пыталась удержаться за что-то реальное.

— Ты дрожишь, — сказал он, не поднимая глаз.

Его голос был ровным, почти безразличным, но я слышала в нём тихое удовольствие.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо. Но я знала, что он слышит мою дрожь.

— Ты дрожишь, — повторил он, и теперь он поднял голову, встречаясь со мной взглядом.

— Я вижу это. Я всегда вижу, когда тебе страшно.

— Мне не страшно, — сказала я, но мой голос предательски дрогнул.

Он усмехнулся — тихо, почти беззвучно. Господин перестал сжимать перо, но его пальцы остались на столе, напряжённые, готовые. Он наклонился чуть вперёд, опираясь руками о стол, и я почувствовала, как его тень накрывает меня.

— Ты помнишь эту комнату? — спросил он, и его голос стал мягче, почти нежным. — Ты помнишь, как я загнал тебя в угол? Я специально пригласил тебя именно сюда.

Я не могла ответить. Моё тело помнило. Моя кожа помнила. Мои лёгкие помнили, как я задыхалась от страха, когда он стоял надо мной. В его глазах сейчас было столько удовольствия и азарта, что я замерла.

— Ты пыталась спрятаться, — продолжал он. — Ты думала, что если ты сожмёшься в комок, я не увижу тебя. Но я всегда видел тебя. Я всегда чувствовал твой страх. Какой же он сладкий...

Я смотрела на него, чувствуя, как его слова проникают в меня, как они находят те самые места, которые я пыталась спрятать. Моё тело дрожало, и я не могла это остановить. Он видел это. Он чувствовал это. Я вжалась в кресло, стараясь как будто отдалиться от него. Его глаза игриво пробежались по моему телу.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — спросил он, и его голос стал тише, почти интимным. В интонации пробежала холодная издёвка.

— Нет, — вырвалось у меня. — Я хочу, чтобы ты продолжал. Продолжай, Бенджамин, прошу!

Я сама не ожидала от себя такой мольбы. Я смотрела на него и стук моего сердца, кажется, был слышен по всей комнате.

Он смотрел на меня, и я видела, как его глаза потемнели. Он медленно обошёл стол, и я слышала, как его шаги приближаются ко мне. Я не могла пошевелиться. Я не могла дышать. Он остановился передо мной, наклонился, и я почувствовала его дыхание на своей коже. Я замерла, не зная, что будет дальше. Но я продолжала настойчиво смотреть в его глаза.

Он поцеловал меня. Но это был не нежный поцелуй. Он был грубым, почти жестоким. Я почувствовала, как его зубы сжимают мою нижнюю губу, как он кусает её, пока я не почувствую привкус крови. Я замерла от боли, от страха, от того, как это было неправильно и прекрасно одновременно. Моё тело оцепенело, но я не оттолкнула его. Я позволила ему быть. Я позволила ему делать это, потому что в этом поцелуе было что-то, что притягивало меня сильнее, чем любая нежность. Когда он отстранился, я смотрела на него, чувствуя, как кровь стекает по моей губе.

Продолжай! Прошу, не останавливайся!

Его глаза были тёмными, и я видела в них не злость, а что-то другое — удовлетворение, спокойствие, которое он находил в моём страхе. Моё тело всё ещё дрожало, но я не хотела, чтобы он останавливался. Я не хотела, чтобы он уходил.

- Больно?

Меня всю трясло от желания и страха. Он издевательски изучал мою агонию.

- Очень, господин...

- Хочешь ещё?

Его голос был холодным, но страстным. Я видела, как он напрягся. Как он ждал и надеялся на мой положительный ответ.

- Хочу, господин...очень хочу...

Он резко схватил меня за волосы и задрал мою голову, укусив верхнюю губу. Вновь до крови. Я дёрнулась, а он тихо улыбнулся, проходя по моим губам своим большим пальцем. Я замерла, не в силах оторвать от него взгляд. Он опустил палец ниже, к подбородку и вытер мою кровь. Я тряслась от каждого его действия, понимая, что моё желание достигает предела. Он аккуратно отпустил мои волосы и облизал мою кровь со своих рук. Я смотрела на него и его пальцы, до боли сжимая руки. Он приподнялся, властно схватил меня за подбородок и ласково прошептал:

- Что ты сейчас хочешь?

Я дрожала, внутри всё сжалось. Я словно не могла полноценно вдохнуть и просто безотрывно смотрела на него. Он был недоволен моим молчанием и до боли сжал мой подбородок. Это на секунду вернуло меня в реальность. Мой голос был тихим и дрожал. Ещё сильнее, чем в начале нашей встречи.

- Я...хочу тебя, господин...

Он ухмыльнулся и резко отбросил мой подбородок, слегка уронив мою расслабленную голову. Я быстро дышала через рот, у меня было ощущение, что воздух вот-вот закончится. Он не смотрел на меня, а лишь медленно вернулся к своему столу и бумагам. Его голос вновь стал спокойным и холодным, а я кипела от желания и голода. Я думала, что он затащит меня за собой, вожмет в постель и сделает мне настолько больно, чтобы я молила его о пощаде. Но нет, его голос был ровным и я не чувствовала ни грамма интереса ко мне и моим желаниям.

- Молчи. Сейчас я говорю, а ты слушаешь. Когда я замолкаю - встаёшь и уходишь. Скажешь хоть слово – останешься голодной.

Моё дыхание постепенно восстановилось, и я покорно кивнула.

- Ты составляешь список продуктов и передаёшь их Нинэль. Они будут приезжать к тебе каждое утро. Тебе не нужно за них платить, у нас многое выбрасывается. Так что тебе точно хватит.

Он пробежался уверенным взглядом по моему лицу, как бы ожидая ответа. Я вновь покорно кивнула, и он медленно опустил глаза на бумаги. Его голос был холодным и равнодушным.

- Сегодня не запирай на ночь дверь. Иначе я её выбью и всё равно возьму то, что мне нужно.

Я прикусила пульсирующую губу и в третий раз кивнула, стараясь поймать его взгляд. Он не смотрел на меня, а лишь спокойно изучал глазами бумажки. Затем он быстро отвернулся к окну. Он замолчал, я резко встала и вышла из его комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.